

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-617-640

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ ДАТЧАНКИ В СССР В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-ДАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1920–1950-Х ГГ.

И.Ф. Давидович

Независимый исследователь

innrid@gmail.com

В данной статье рассматривается трансформация восприятия жизни в СССР гражданкой Дании, которая в 1924 г. стала супругой генерал-майора иностранного отдела НКВД и переехала в Советский Союз. Автор показывает, как колебания в советско-датских отношениях непосредственно влияли на судьбу датчанки и накладывали отпечаток на ее мировоззрение. Особое внимание уделяется постепенному отдалению иностранки от ее корней, необходимости вживаться в новую реальность и усваивать правила игры, диктовавшиеся советской действительностью. Исследование построено на анализе писем датчанки Сигрид Ульрикки Альмы Огорд из Советского Союза, адресованных матери и младшей сестре, а также воспоминаний ее сыновей и людей из близкого окружения. Все эти материалы хранились в личном архиве автора и публикуются впервые.

Ключевые слова: Сигрид Ульрикка Альма Огорд, иностранцы в СССР, датчане в СССР, советско-датские отношения XX века, женщины в ГУЛАГе, ТЕМЛАГ

Введение

После Октябрьской революции в глазах мирового сообщества Советский Союз превратился в символ прогресса, социальных реформ, многообещающих изменений в социальной жизни. Это притягивало внимание жаждущих социальной справедливости, много иностранцев приезжало в СССР, чтобы ознакомиться с происходящим и окунуться в атмосферу государства диктатуры пролетариата. Из многих стран приезжали специалисты, которые вносили свою лепту в построение нового государства. Дания не была исключением. В Коминтерне насчитывалось более трехсот датчан, которые приезжали и учились в партийных школах СССР. Эта статья о молодой датской идеалистке, которая верила в идеалы коммунизма и была вовлечена в водоворот советского эксперимента. Попав в советскую реальность, датчанка Сигрид Ульрикка Альма Огорд, как и многие другие, прошла через все испытания советского государства. На своем собственном опыте она испытала все ужа-

сы ареста, необоснованных обвинений, последовавшего вслед за этим заключения в ГУЛАГ.

Колебания в советско-датских отношениях непосредственно влияли на судьбу Сигрид и определяли ключевые моменты ее жизненного пути. В процессе этих колебаний ее отношение к реальности трансформировалось. Данная статья прослеживает изменение этого восприятия. Особое внимание уделено постепенному отдалению иностранки от ее собственных корней, необходимости вживаться в новую реальность и принятию правил игры для выживания.

Для изучения поставленной проблемы были использованы методы устной истории с ее индивидуальным подходом к биографии, которые позволяют понять, как пережитое человеком в разные периоды жизни формировало его личность.

Исследование базируется на воспоминаниях и фактах из писем, в которых события предстают в непереработанном виде.

В распоряжении автора находится архив из большого количества писем, написанных женщиной, и воспоминания об этой женщине, записанные ее сыновьями. Адресатами писем являются мать и младшая сестра Сигрид. Несмотря на явную открытость повествования, письма не дают полного представления о событиях, а содержат описания отдельных моментов и личностей. В письмах, которые писались раз в несколько дней, по понятным причинам не делается попытка осмыслить больший период и дать ему оценку, что могло бы быть в настоящей автобиографической прозе. С другой стороны, это дает возможность исследователю анализировать и делать выводы на основании имеющихся данных. Воспоминания составлены сыновьями Сигрид, которые только частично являлись свидетелями событий. Воспоминания дорабатывались в течение десятка лет, дополнялись и переосмысливались. К ним добавлены отрывочные воспоминания нескольких женщин, подруг и родственниц героини. Если письма относятся ко времени непосредственных событий, то воспоминания, эти события описывающие, содержат многолетний опыт авторов. Можно сказать, что это – конечный результат переосмысления и понимания ими произошедшего.

Также при написании рукописи были использованы некоторые официальные документы: официальная автобиография, поданная в Институт военных переводчиков в 1949 г., протоколы допросов из архива КГБ, книжка отличника из ТЕМЛАГА, справка об освобождении, заменяющая паспорт, хранящиеся в личном архиве автора.

Своей задачей автор видит внесение вклада в литературу, описывающую межнациональные отношения, рассматривая частную жизнь иностранки – датчанки Сигрид Огорд в тесной связи с внешней политикой СССР в отношении Дании. В условиях явной политизации, идеологизации науки, типичных для XX в. и современности, устная история, включая устную женскую исто-

рию, – это возможность сохранить без искажений слово правды и справедливости, возможность донесения до читателя голосов “молчаливого большинства” [1, с. 172].

Начальный период: Копенгаген – Париж – Рим – Стокгольм – Москва

Сигрид Ульрикка Альма Огорд (Sigrid Ulrikka Alma Aagaard) родилась в Копенгагене в 1901 г. в семье бухгалтера и домохозяйки. Сигрид была старшей дочерью. Ее отец придерживался либеральных взглядов. К тому времени, как Сигрид пошла в школу, отношения Дании и России продолжали развиваться, подпитываемые родственными связями монархических династий. В начале века Николай II с размахом отпраздновал юбилей датского короля, своего родного дедушки, а ежегодные визиты великой императрицы Марии Федоровны (датской принцессы Дагмар) со своим супругом Александром III до сих пор не забыты в Копенгагене¹.

В начале XX в. торговля с Россией испытала столь мощный рывок, что в 1916 г. русский предложено было ввести в число предметов, изучаемых в датской гимназии, а русские языковые курсы не были редкостью.

Изучала ли Сигрид русский язык в гимназии или на курсах или проявляла какой-то особый интерес к России в этот период – неизвестно. Тем не менее, общая атмосфера в Копенгагене, настрой молодежи, симпатизировавшей русской революции, могли повлиять на взгляды Сигрид. Датская социал-демократическая партия к 1915 г. насчитывала более 60 тысяч членов и была серьезной политической силой в стране. Во время политических трений партия пошла на соглашение с правящими элитами и вместо глобальных изменений удовлетворялась частными уступками, такими, как улучшением условий труда рабочих. Радикально настроенные члены партии заявили о своем выходе из партии в знак несогласия и стремления продолжить политическую борьбу [2, с. 55, 76].

В такой обстановке Сигрид заканчивала гимназию. Нет никаких документов, указывающих на причастность Сигрид к молодежному революционному движению, но ее отъезд из Дании в 1920 г. может быть косвенным свидетельством этого. После окончания гимназии в 1919 г. она начала работать в страховой компании мореходства в Копенгагене, но уже в 1920 г. вдруг уехала во Францию.

Истинная причина ее отъезда неизвестна, однако в семье остались воспоминания о том, что Александра Коллонтай покровительствовала Сигрид в первые годы их знакомства, которое произошло в конце десятых или в начале

¹ Отношение датчан к русским. Датское видение России // Портал о странах по русскоязычному вещанию и публикациям разных стран мира. URL: www.portalostranah.ru/view.php?id=61.

двадцатых годов. До революции, как известно, Александра Коллонтай жила в Копенгагене, где, вероятно, женщины познакомились до назначения Коллонтай послом в Швецию. Впоследствии Сигрид поддерживала отношения с Александрой Михайловной вплоть до ее смерти в 1952 г. Близкой подругой Сигрид до последних дней оставалась и Эмма Генриховна Лоуренсон, секретарь А.М. Коллонтай.

В своей официальной автобиографии Сигрид пишет, что познакомилась со своим будущим мужем, сотрудником иностранного отдела НКВД, в марте 1924 г. в Копенгагене¹. Тем не менее, из писем, которые она писала домой из Парижа в 1923 г., уже явно следует, что она знакома и путешествует с А. (Антоном), ее будущим мужем². Не осталось свидетельств их знакомства: познакомились ли они в Париже случайно или во время ее работы «в конторе» во Франции, где она начала работать в 1922 г., с чем ее поздравляет отец в письме³. Очевидно, что мы имеем дело с выросшей в эмансипированной семье самостоятельной женщиной, которая выбирает свой собственный жизненный путь. В начале 1924 г. Сигрид вместе с Антоном переезжают из Парижа в Рим. В марте того же года она пишет матери в письме, что получила дипломатический паспорт⁴. Этот факт дает основание предположить, что речь идет о советском дипломатическом паспорте. Возможно, что именно в Париже Сигрид начала работать с секретными советскими службами, которые в то время активно действовали в столице Франции. Она могла быть дипкурьером, что объяснило бы появление у нее дипломатического паспорта.

После договоренности между РСФСР и Германией в Рапалло в 1922 г. западная коалиция распалась, и Дания начала официальные переговоры, которые привели к подписанию в Москве в 1923 г. соглашения об основах будущего экономического сотрудничества между двумя странами. Датские компании не готовы были терять русский рынок, в котором они так преуспели в начале века. В результате политический курс был взят на подписание соглашений с СССР. 18 июня 1924 г. Дания и СССР заключили соглашение в форме обмена нотами об установлении сношений «де-юре», а также подписали декларацию о взаимных претензиях [3].

Возможно ли считать совпадением то, что как только официальные отношения между странами были установлены, датская гражданка вышла замуж за гражданина СССР, а брак был заключен в советском консульстве в Стокгольме в августе 1924 г.?

¹ Автобиография Сигрид Огорд (1946) // Личный архив автора.

² Письма Сигрид Огорд из Парижа матери Каролине Огорд в Копенгаген, 1923 // Личный архив автора.

³ Письмо Карла Огорд из Копенгагена дочери Сиригд Огорд в Париж, 29.12.1921 // Личный архив автора.

⁴ Письмо Сигрид Огорд матери из Рима, 27.03.1924 // Личный архив автора.

Избранником Сигрид стал «советский дипломат» Антон Шустер, так она представляла своего жениха, а впоследствии мужа, своим датским родным и друзьям. Романтическая история, рассказанная Сигрид своим сыновьям в пятидесятых годах в Москве, звучала так: «Я познакомилась с вашим отцом весной 1924 г. в Копенгагене. Он мне был представлен нашим общим знакомым. Мы встречались, и как-то он позвал нас с матерью в ресторан. Там он впервые и единственный раз на моих глазах пил красное вино. Он был галантен и предупредителен. Когда он привез нас домой и оставил, мама сказала мне: “Это будет твой муж”, но предложения не последовало. Антон уехал по делам в Стокгольм. В августе он прислал мне телеграмму: “Срочно приезжай в Стокгольм”. И я поехала. Он встретил меня на вокзале с шофером, привез в здание Советского консульства, взял документы и оставил в комнате. Какое-то время я сидела там одна и ждала его. В комнату заглядывали люди, хихикали, снова прикрывали дверь. Вскоре вернулся Антон, он принес мне мои документы, показал свидетельство о браке. Мы женаты, теперь можешь возвращаться в Копенгаген к маме. Но я возразила, раз я твоя жена, то поеду с тобой в Москву. Он неожиданно быстро согласился. Так я впервые попала в Москву осенью 1924-ого»¹.

Этот рассказ совпадает с версией, предоставленной в конце 1940-х гг. в официальные органы самой Сигрид. Но из писем двадцатых годов следует, что ни временной промежуток знакомства, ни, скорее всего, и место знакомства не соответствуют действительности. Здесь налицо подтасовки фактов, дабы избежать лишних вопросов.

Своим сыновьям и знакомым в Москве она рассказывала, что поехала во Францию подработать гувернанткой, но из писем матери и отца в Париж, а также из ее собственных писем домой создается впечатление, что работает она явно не гувернанткой, живет в пансионе, а вскоре начинает работу в «конторе», чем занимается, непонятно, в добавок ко всему, впервые попав в Москву, Сигрид пишет матери: «Я не так мало понимаю из того, что слышу вокруг. Все-таки нужно будет поднатореть в русском»². Где и когда она могла выучить русский настолько, чтобы уже понимать устную разговорную речь? Могла ли она выучить русский лишь благодаря знакомству со своим будущим «русским» мужем?

Таким образом, осенью 1924 г. Сигрид впервые оказалась в Советском Союзе. Антон Шустер, будучи закордонным работником, сотрудником ИНО НКВД, по приезде в Москву селится в гостиницах. На сей раз это гостиница «Европа» на Волхонке, первое место, куда попадает Сигрид по приезде в Москву, не считая Лубянки, места работы своего мужа.

¹ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

² Письмо Сигрид Огорд матери, из Москвы в Копенгаген. 28.09.1924 // Личный архив автора.

Первые впечатления были наполнены восторгом. Она подробно описывает матери все, что с ней происходит. 28 сентября 1924 г. Сигрид отправила свое первое письмо из Москвы, в котором описывала друзей своего мужа, с которыми проводила дни напролет, отмечая, что они милы и обходительны, и она очень рада знакомству. В деталях Сигрид передавала свои впечатления о городе: «Вчера мы ездили по городу, и я с уверенностью могу сказать, что тут есть на что посмотреть! – Это самый красивый и интересный город из всех, которые мне приходилось видеть. – Вы и представить себе не можете, какая тут красота! Величественные купола церквей и Кремль, крепостная стена которого впервые возведена в 14 веке – с ума сойти можно! А еще сразу бросается в глаза, что вокруг тебя много всего азиатского, на улицах много азиатов, а улицы живут своей заведенной жизнью. Тут мало автомобилей, но вместо них есть дрожки и извозчик, так они называют повозку на двоих, запряженную лошадьми, которыми управляет погонщик. Это так увлекательно! Прямо на улицах продают фрукты – самые ароматные груши, яблоки, виноград, огромные красные арбузы с Кавказа. Город огромный, население около двух миллионов человек! Нам так повезло: нам досталась очень приятная чистая комната в гостинице. Я очень довольна! Здесь все совсем недорого, а цены на продукты вообще смешные, да и рестораны весьма доступны.

Ресторанная жизнь тут такая, словно я никуда не уезжала: звучат одни и те же мелодии, все то, что крутят в Копенгагене. Да и вообще, это какая-то несурезица, когда ты думаешь о голоде и подобном... Я больше не верю ни слову из того, что пишут газеты, после того как я увидела все своими глазами. Здесь немало нищих, но их везде много, особенно в южных городах»¹.

В ее описаниях явно прослеживается симпатия к стране и ее жителям: «В Петрограде, где мы пробыли 4 часа в пятницу, я толком ничего не видела, потому что уже три дня как город затопило вследствие ужасного шторма, улицы полностью под водой, корабли унесло в море из портов, снесены пути, поезда на плаву. Подплывая к гавани, мы видели множество деревьев, которые унесло штормом в открытое море, заборы и ограды. А ведь Петроград только недавно оправился после войны. Городу нанесен серьезный ущерб. А ведь прошло всего сто лет со времен подобного бедствия². Мы собирались обойти музеи, которые славятся своей живописью, я приеду сюда снова. Вечером мы должны были посетить оперный театр, но все билеты были проданы»³.

¹ Письмо Сигрид Огорд матери из Москвы в Копенгаген. 28.09.1924 // Личный архив автора.

² Речь идет о наводнении 23 сентября 1924 г., когда вода поднялась на уровень 369 см. Это было величайшее наводнение со временем последнего, ровно столетней давности (1824). В этот раз по городу был брошен клич: все на борьбу со стихией, победим всеобщими усилиями.

³ Письмо Сигрид Огорд матери из Москвы в Копенгаген. 28.09.1924 // Личный архив автора.

Не успев приехать, семья уже собирается в очередную командировку. Антон снова возвращается в Рим первым секретарем посольства. 3 октября 1924 г. Сигрид снова пишет домой о друзьях мужа, о своих завязывающихся отношениях, о легкости в общении: «Вчера мы были в оперном театре, мы слушали потрясающую оперу “Золотой петушок” Римского-Корсакова. Декорации, мизансцены, постановка, актеры – все это превзошло мои ожидания. Ничего лучше я в жизни не видела. Что и говорить, оперный театр в Париже неподражаем и ему не откажешь в величии, но такие костюмы как тут... каждый из них стоит целое состояние. Да и вообще одежда тут неоправданно дорога, оно и понятно, фабрики работают с переборами, зато еда хорошая и весьма доступна. Огромная курица стоит всего один рубль, цыпленок – 50 копеек и так далее. В ходу серебро, не то, что у нас – бумажные деньги. Ну а о фруктах я уже говорила, они отличные и дешевые! Все выглядят здоровыми, и вообще народ привлекательный. Мне очень интересно смотреть на людей, какие они разные. Многие женщины тут ходят в носках или гольфах, и это достаточно распространено. Крестьянки носят красные платки на голове, а некоторые – многоцветные.

Я побывала в нескольких музеях, какие тут великолепные коллекции! А после мы пошли с Антоном в Мавзолей посмотреть Ленина. Это произвело на меня неизгладимое впечатление. Так трогательно видеть, насколько Ленин был почитаем и любим тут. Везде его портреты: в магазинах, в гостиных, да где угодно. Я думала, что мы просто идем смотреть на саркофаг или что-то подобное. Но сам Мавзолей – это необыкновенное здание, расположенное на исторической площади, где церкви и монументы, построенные до эпохи Петра Великого. Ты сперва заходишь в вестибюль, идешь по коридору, стены обиты красным, иходишь в усыпальницу, которая ярко освещена – и можно предположить, что Ленин просто живой, так хорошо он забальзамирован.

Я сперва не могла смотреть на него. Но должна признаться, что это очень красиво – он лежит в стекле, двое солдат его охраняют, везде висят красные флаги и советские эмблемы – герб рабочих: молот и серп и звезда. Ленин показался мне очень приятным – он не красавец, но у него очень человеческое лицо, совсем не такое, как его описывали, – и смерть его не исказила. На нем обычный военный мундир цвета хаки, одна рука его лежит вдоль тела, другая покоится на груди. Щеки его подернуты легким румянцем, идеальная форма носа и рта, глаза закрыты. Я бы сказала, что на него приятно смотреть, не чувствуешь неудобства. И вот ты проходишь мимо него – *Castrum doloris*¹ – и ощущаешь величие смерти и полон страха»².

¹ *Castrum doloris* – дворец скорби, обычно погребальница монархических особ с соответствующими декорациями и атрибутами.

² Письмо Сигрид Огорд матери. Москва-Копенгаген. 3.10.1924 // Личный архив автора.

На одиночество пожаловаться Сигрид не может, скорее наоборот. Из Берлина она пишет матери через пару недель по горячим следам 16 октября 1924 г.: «Всю прошлую неделю, еще в Москве, мы ходили в театры каждый вечер. Все время я окружена незнакомцами. Ни дня мы не провели вместе, только Антон и я, – даже едим мы в компании. Не сказала бы, что нам плохо, мы оба отлично проводим время. Только вот Антон такой худой – и не потому, что мы недоедали в России, просто он все время куда-нибудь да спешит.

Сегодня мы отметили два месяца нашего замужества. Антон преподнес мне букет фиалок и коробку шоколада. Его просто обожают его знакомые и друзья, и я даже иногда думаю, что это чересчур»¹.

На основании вышеприведенных писем можно заключить, что Сигрид с самого первого дня чувствовала себя в СССР как дома. Она легко сходилась с людьми, находила с ними общий язык, даже если это был только русский, в котором ей нужно было еще поднатореть. Круг общения Сигрид складывается весьма быстро – это прежде всего семьи сотрудников и соратников ее мужа. Нередко это также иностранки, но чаще просто образованные женщины, свободно говорящие на французском или немецком языках. Она очарована этими людьми, их кругозором, у них много общих тем для обсуждения (книги, театры, концерты, опыт жизни в других странах). Это люди ее круга, равнозначного социального статуса, часто те, у кого ей есть, чему поучиться.

В это время или чуть позже Сигрид посещает «салон» Лили Брик, с которой продолжает общение до самого конца, о чем свидетельствует наличие телефонного номера Лили в последней записной книжке Сигрид. Судя по воспоминаниям, к этому времени она уже была знакома с Айви Литвиновой, Верой Яковлевной Сыркиной (упоминается в письмах 1923 г. и далее), Эстер Розенцвейг, в будущем Елизаветой Зарубиной, женой Василия Зарубина. Интересно, что чета Зарубиных на легализацию поехала в Данию, что еще раз подчеркивает датско-советские связи, пусть речь идет и не об официальных связях в данном случае.

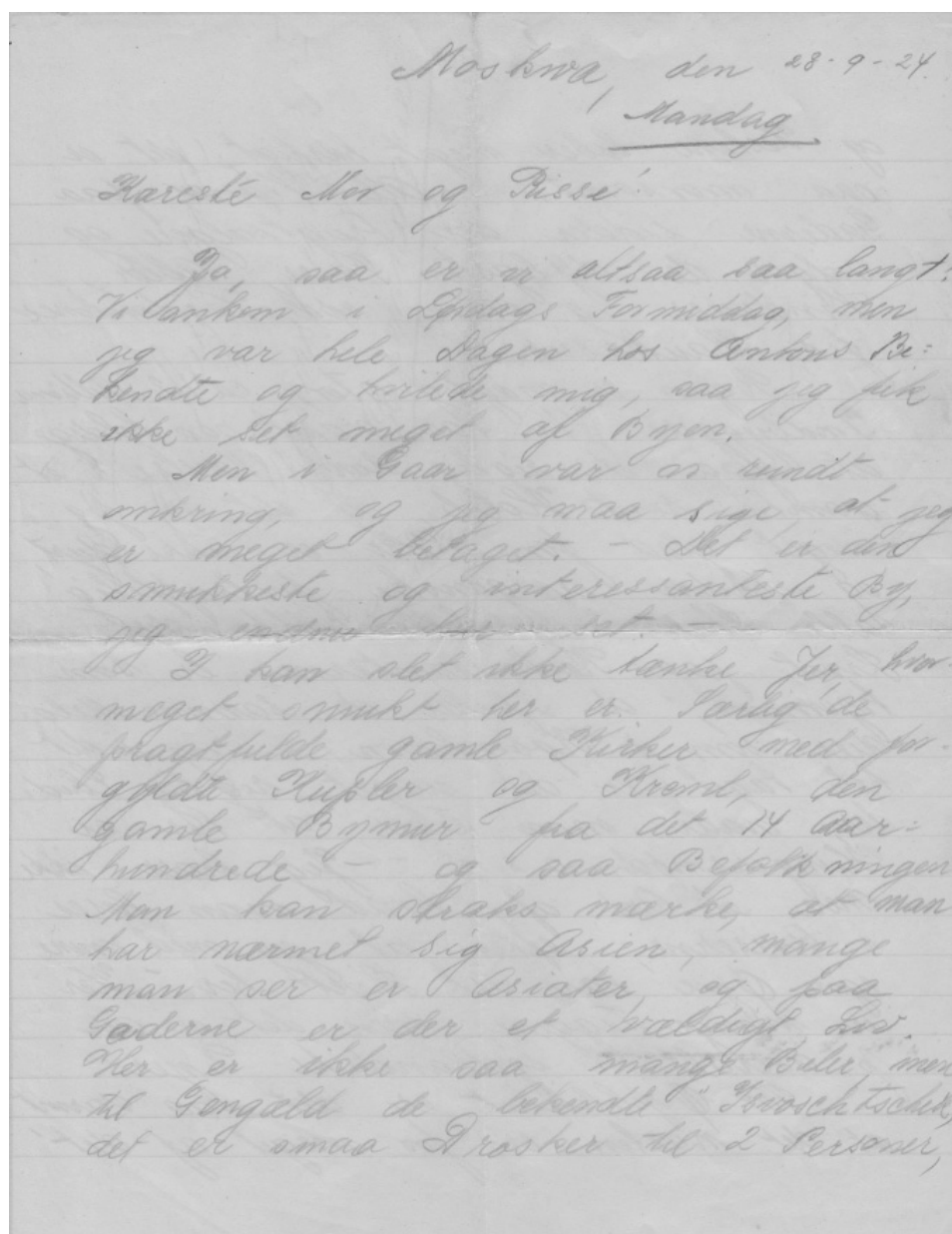
В течение тринадцати лет супружества Сигрид нередко бывала в Москве. В следующий свой длительный приезд в 1927–1928 гг. она начала работать в Госбанке, пока командировки мужа носили эпизодический характер. В это время ее социальные связи укреплялись.

Окончательное возвращение в СССР приходится на лето 1937 г., когда мужа отзывают в Москву из Лондона, где под прикрытием второго секретаря посольства он работает легальным резидентом. В середине лета Сигрид, еще ни о чем не подозревая, писала в письме матери из Чехии, где она летом 1937 г. лечилась в санатории: «Скоро мы поедem в Москву, но ты можешь писать мне на наш старый адрес в Лондоне»². Несмотря на предупреждение мужа,

¹ Письмо Сигрид Огорд матери. Берлин–Копенгаген. 16.10.1924 // Личный архив автора.

² Письмо Сигрид Огорд матери. 12 км от Москвы, название места не указано. 12.07.1937 // Личный архив автора.

что «меня могут арестовать, но тебя и детей не тронут», она продолжала доверять советскому государству и вернулась в Москву. В Москве ей действительно не пришлось задержаться надолго. 19 сентября 1937 г. арестовывали мужа, обвинив его в шпионаже против СССР. В результате обыска из квартиры забрали все документы, фотографии и деньги.

Фрагмент письма Сигрид Огорд из Москвы своей матери в Копенгаген 28 сентября 1924 г.

26 сентября 1937 г. Сигрид вызвали на Лубянку по телефону «для разговора». С этого дня в ее деле появился ордер на арест постфактум. Сигрид в эти дни вела себя с подчеркнутым достоинством. В пересказе Нины и Натальи Михоэлс Сигрид после ареста каждый день снимала воротничок с платья, стирала его в кружке с водой, которую она получала в тюремной камере, сушила и гладила его о дверную ручку камеры, и на каждом допросе гордо подчеркивала, может, и не словесно, что в этом платье она была на коронации. Возможно, это возымело свое действие: на первом же вечернем допросе усталый следователь машинально предложил Сигрид бутерброд с колбасой, но она гордо отказалась, не веря, что ей предстоит лишиться свободы на много лет. Все время в лагере она вспоминала этот бутерброд и нелепую гордость своего отказа¹.

В протоколе допроса был поставлен вопрос, «известно ли ей о шпионских связях ее мужа». Несмотря на отрицательный ответ, Сигрид получит восемь лет лагерей как член семьи изменника родины (ЧСИР) и в ноябре 1937 г. окажется в Мордовском лагере ТЕМЛАГ.

ТЕМЛАГ

До 1937 г. Сигрид имела возможность быть не только женой, но и отстаивать свое право на личное пространство, на работу и досуг. В сентябре 1937 г. ее жизнь кардинально изменилась. Это касалось не только ареста, последующего заключения в тюрьму, а далее – в лагерь, что лишало ее морального статуса на личную свободу. У нее нет собственного дела, нет обвинения. Она обвиняется лишь в том, что была женой «изменника родины». Попирается не только ее фактическая свобода, отбирается ее роль как самостоятельной личности.

В этот период четко прослеживается ее гендерная зависимость, она сталкивается с подавлением воли и шантажом. С момента заключения Сигрид была лишена возможности принимать решения без ссылки на свою материнскую роль. В лагере вожделенные методы поощрения – это даже не еда или теплая одежда, а возможность написания внеочередного (второго) письма детям в детский дом, так как в месяц было разрешено только одно письмо. Казалось бы, базисное право становится пряником в руках руководства для стимулирования и подавления.

Маховик репрессий опередил все сроки. К концу 1937 г. должен был быть построен новый женский лагерь в Акмолинске – А.Л.Ж.И.Р., но его строительство еще не завершили, а тюрьмы крупных городов и пересылочные пункты уже были переполнены женщинами – членами семей изменников родины. Осенью 1937 г. женским лагерем для «жен»² стал ТЕМЛАГ, куда попали жены

¹ Беседы с Ниной и Натальей Михоэлс, 2001 // Личный архив автора.

² «Женами», а также «врагинями» называли осужденных женщин без статьи, политических или осужденных по пунктам 58-й статьи уголовного кодекса СССР «Измена родине».

крупных военачальников, бывших партийных функционеров. Н.И. Сац так писала о нем: «Лагерь абсолютно закрытый, для жен “самых ответственных врагов народа”» [4, с. 342]. До начала войны в лагере были в основном «врагини», то есть жены и дочери «врагов народа». И хотя привезли их под конвоем и гнали с собаками до лагеря, в лагере долгое время конвоиры не знали, как с ними обращаться. Громкие имена их мужей еще были у всех на слуху.

Начальник лагеря Левин, по воспоминаниям Сигрид и других женщин, был понимающим человеком. Его сестра тоже сидела, правда, не в его лагере. Скоро его сменили и на его место пришел Шапочкин, «не менее понимающий», как о нем отзывалась Наталья Сац в своих воспоминаниях [4, с. 343]. Карцер в лагере хоть и был, но некоторые женщины даже утверждали в своих воспоминаниях, что вообще не видели карцера в глаза, потому что его физически не существовало. Карцер был, но им не пользовались. Администрация лагеря договаривалась с женщинами без угроз¹.

За первые годы своего пребывания в лагере женщины, в начале растерявшиеся, наладили быт, организовали повседневную жизнь. Это были интеллигентные женщины, многие – старые революционерки, приспособленные к жизни в тяжелых условиях. Они разбили огороды, распределили обязанности по уборке и поддержанию тепла и горячей воды в бараках. До 1939 г. женщины практически не имели занятости в лагере, кроме самообеспечения [4; 6].

Во время войны контингент лагеря стал разнообразнее: помимо политических появились осужденные за бытовые преступления. В первый день по приезде «бытовички»² вытоптали все огороды, возделанные «врагинями»³. Со временем женщины научились сосуществовать. У них появилась своя миссия. Пережитые в заключении голод и лишения они стремились наполнить духовным содержанием по аналогии с христианским институтом мученичества [7]. Стал устанавливаться тесный контакт между представителями различных социальных групп, который был неизбежен в условиях лагеря. Каждая «врагиня» взяла на «перевоспитание» «бытовичку». Сигрид тоже досталась женщина-бытовичка, которая была из местных, из мордовских. Она с интересом расспрашивала Сигрид о заграничной жизни, о семье, муже. Ничего не потрясло ее так, как «особенность, исключительность» ее мужа Антона. Он не ругался! Она долго не могла поверить и все переспрашивала. Антон не пил, не курил, не был склонен к рукоприкладству. Но еще больше ее поразило неиспользование в повседневной жизни этой семьи нецензурной брани. Сама Сигрид до конца жизни так и не могла понять, «почему русские ругаются в половые органы»⁴.

¹ Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002 и 2013 гг. // Личный архив автора.

² «Бытовичками» называли осужденных по бытовым статьям, таким как кража, мелкое хулиганство и прочее.

³ Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002 и 2013 гг. // Личный архив автора.

⁴ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

Интересно и внедрение лагерного сленга в повседневную жизнь образованных женщин, таких просторечий, как «бытовичка» (женщина, осужденная за бытовые преступления, не политическая, попавшая в лагерь по 58-й статье), «вольняшка» (вольнонаемная, расконвоированная, отбывшая свой срок и продолжающая работать при лагере за неимением другой работы), «начальник» (любой конвоир вне зависимости от воинского звания и занимаемого положения в лагерной иерархии). Эти лексемы Сигрид использовала в постлагерной повседневной жизни, но нецензурная лексика так и осталась вне сферы ее понимания. Она не смогла ни освоить русский мат, ни употреблять его по назначению.

Столкновение с «бытовичками» было для Сигрид первым длительным опытом общения с простым русским народом, с теми женщинами в красных косынках, которых она с восторгом описывала матери в 1924 г.

«Политические» женщины в ее бараке владели несколькими языками, вели литературные беседы и вспоминали театральные и оперные постановки в СССР и за рубежом. С некоторыми своими солагерницами Сигрид была знакома до лагеря, в частности, с Нонной Марьясиной, женой председателя Госбанка (в котором Сигрид довелось поработать), супругой Семена Урицкого, соратника Адольфа. Это были женщины ее круга. Ее ближайшей подругой в лагере стала Валерия Стэн, жена Яна Стэна, известного философа-марксиста, о котором говорили, что он учил марксизму самого Сталина. Через Любовь Самойловну Дробнис, которая жила с ней в соседних бараках, Сигрид узнала, что ее дети в том же детском доме, что и дочь Любви Самойловны – Шура Дробнис. Яков Дробнис, отец Шуры, был близким другом Адольфа, о чем Любовь Самойловна на допросе рассказывала следователю, отвечая на вопрос о связях мужа. Это находит отражение и в протоколах допроса Адольфа¹.

Татьяна Смилга, дочь Ивара Смилги, вспоминала, как находила с Сигрид общих знакомых и говорила о Ромене Роллане, которого Сигрид читала в подлиннике².

Несмотря на тяжелую жизнь, которую женщины владели в лагере, выжить помогала сплоченность, человеческое отношение не только начальства, но и конвоиров. Но ни огороды, возделанные женщинами, ни взаимная помощь не уберегли их от недоедания, а отсутствие витаминов всерьез подкосило здоровье. Сигрид оказалась в бараке «пеллагриков», в которые переводили женщин, заболевших пеллагрой. Эту категорию заключенных расконвоировали, и тем женщинам, кто еще мог двигаться, было позволено уходить в лес за ягодами и грибами, чем были богаты мордовские леса. Однажды потерявшись, женщины в страхе заметались в поисках своих конвоиров, те, в свою

¹ Архивно-следственное дело Адольфа Сигизмундовича Чапского // Центральный архив ФСБ России. На момент знакомства с документом (1993): б/ф., б/оп. Д. 1184. Л. 12.

² Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002, 2013 гг. // Личный архив автора.

очередь, искали потерявшихся женщин. Наконец-то, отыскав друг друга, они бросились друг другу в объятия [8, с. 7].

В лагере складывалось ее очередное представление о советском строе. И оно вновь было весьма однобоко. В ТЕМЛАГе в тот период отбывали наказание «без статьи» те женщины, с которыми она была либо связана до лагеря, либо с которыми познакомилась и дружила бы, встретить она их в нормальной обстановке. Это был тот же социальный срез, к которому она принадлежала. Отношения с лагерными подругами не прерывались до самой смерти. Женщины выделяли ее как иностранку, о чем свидетельствуют воспоминания Татьяны Смилги, но это вызывало скорее повышенную симпатию и сочувствие, нежели отторжение. На ее счастье, основная масса конвоиров относилась к женщинам человечно. Хотя речь и идет о лагере, но, по словам Наталии Сац, которая побывала в нескольких лагерях и одним из них был ТЕМЛАГ, «чистота, порядок в бараке, на немногих аккуратных клумбах растут аккуратные цветы, тишина... могильная», доверительные беседы с начальником лагеря – все это потрясло ее, попавшую в ТЕМЛАГ в 1939–1940 гг. [4, с. 342–343]. Общение с «простым народом» сводилось к минимуму, часто оно носило скорее покровительственный характер.

В лагере отточилось умение концентрироваться только на положительных моментах. Ирония, чувство юмора брало вверх над страданиями и жалобами. Наталья и Нина Михоэлс, у которых Сигрид некоторое время снимала комнату после ареста М. Вайнберга, запомнили ее именно такой – «у нее было восхитительное чувство юмора. Когда забрали Метека, она пришла к нам и увидела опечатанную комнату: “Где он?” “На Лубянке” И, зная супруга Талы и его любовь к чистоте, Сигрид воскликнула: “О, Талочка! Там так чисто!”»¹.

В сентябре 1945 г. восемь лет заключения истекли, но по окончании срока Сигрид не получила на руки документы и не могла покинуть лагерь. Формально она была расконвоирована и уведомлена, что «отбыла наказание», но в документе, который она получила, было указано – «до особого распоряжения». Только закончилась война, положение иностранцев пока было не определено, но советских военнопленных уже перемещали из нацистских лагерей в советские, а советские войска еще не ушли с Борнхольма, куда высадилась 9 мая 1945 г. [9].

1946: Возвращение из ТЕМЛАГа

Особое распоряжение так и не поступало. Сигрид стала вольнонаемной – «вольняшкой». Жизнь ее не сильно изменилась, формально она была уже не заключенной, жить могла за пределами лагеря, но по-прежнему была с ним тесно связана: жила хоть и по ту сторону забора, но тоже в бараке, работала на территории лагеря в том же пошивочном цехе. Правда, на заработанные

¹ Беседы с Ниной и Натальей Михоэлс, 2001 // Личный архив автора.

гроши могла покупать какую-то еду в местном сельпо. В начале 1946 г. она написала своему старшему сыну, который в то время служил в армии, и пожаловалась на сложившуюся ситуацию. Он пошел к своим командирам, у которых был на хорошем счету, и рассказал, что происходит с матерью [10, с. 24]. Командиры написали письмо в лагерь, и в феврале 1946 г. Сигрид получила долгожданную справку об освобождении, которая давала ей возможность покинуть лагерь, но которая ограничивала ее в правах¹. Она не имела права селиться в 39 крупных населенных пунктах Советского Союза, что, разумеется, включало и Москву. Решению выпустить Сигрид из лагеря могло способствовать и другое событие, а именно решение советской стороны оставить Борнхольм и готовить специалистов для повторного внедрения на остров.

Советские войска высадились на датский остров Борнхольм 9 мая 1945 г. 16 мая, через неделю после высадки, были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Данией, хотя речь пока не шла о восстановлении посольств, а только миссий.

Однако ситуация в целом была неоднозначной. Страны-союзники не могли прийти к соглашению, и в результате остров стал разменной монетой в политической игре. В марте–апреле 1946 г. советские войска неожиданно покинули остров. В историографии отмечается: «Никогда полностью не выяснилось, чем было вызвано решение Кремля покинуть Борнхольм без всяких условий. Наиболее вероятное предположение состоит в том, что Сталин принял это решение, услышав, что датские коммунисты готовы завоевать власть избирательными средствами, и только проблема Борнхольма стоит у них на пути» [11].

Не имея права возвращаться в Москву, Сигрид именно туда и поехала. Там были ее единственные друзья, и это было единственное место, где она могла выжить. По месту прописки, на 101-м километре, в знаменитых впоследствии Петушках найти работу она не могла.

Всему, что случилось с ней в этот период, Сигрид была обязана не только людям, которые помогали ей, но и сложившейся благоприятной внутривнутриполитической ситуации. Страна находилась в эйфории после победы в войне, формировалось кольцо соцлагеря, казалось, что намечались послабления, и в воздухе витала надежда.

Одним из тех, кто в трудную минуту помог Сигрид, был ее приятель Воронов, с которым она работала в 1928–1929 гг. в Госбанке. К 1946 г. он сделал весьма приличную карьеру, заняв высокий пост в Министерстве речного флота СССР. Сигрид обратилась к нему с просьбой выволить из детского дома ее младшего сына, которому в то время было уже 14 лет. Мальчик писал матери о невыносимой жизни в детдоме, что было связано также со сменой руко-

¹ Справка об освобождении. ТЕМЛАГ. Выдана 29 сентября 1945 г. // Личный архив автора.

водства в нем. Воронов направил своего подчиненного, который забрал подростка и привез его в Москву. Жить в Москве было опасно, да и негде. Сигрид ночевала у знакомых, в квартирах и на дачах, старалась никогда не ночевать две ночи подряд, чтобы соседи не донесли и не нажить неприятностей. Привезенного в Москву ребенка пришлось определить в подмосковный детский дом. Условия содержания там были намного лучше, порядки либеральные. Через полгода тот же Воронов помог сыну Сигрид поступить в Рижское речное училище, и на ближайшие четыре года судьба его была решена, чего нельзя сказать о Сигрид. Она было устроилась домработницей в одну семью, но хозяин быстро обнаружил, что у нее справка об освобождении, и выгнал ее¹.

**Фотография Сигрид Огорд, сделанная в 1946 г.,
несколько месяцев спустя после освобождения из ТЕМЛАГА**

И тут появилось предложение от ВИИЯ – Института военных переводчиков в Лефортово. Долгое время семья рассматривала это как случайное везение, но, судя по всему, случайностью это не было, если связывать данное официальное предложение с реальным положением дел: Сигрид только что выпустили из лагеря, и при этом она не имела права жить и работать в Москве. А тем временем армия СССР покинула остров Борнхольм, но советское командование продолжало готовить высадку своих войск на остров в 1948 г. [11]. В этой связи нужны были знатоки датского языка среди своих. Александр Новакович, в будущем создатель и заведующий кафедрой редких языков стран Западной Европы в МГИМО, учился в ВИИЯ и изучал датский, в котором он

¹ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

успел сделать заметные успехи, и в результате в ноябре 1945 г. был послан на остров Борнхольм военным переводчиком [12, с. 284]. Тут вспомнили о Сигрид, носителе языка, и в мае 1946 г. она поступила в ВИИЯ на должность частного преподавателя датского. Вероятно, к сентябрю политическая ситуация изменилась, и в конце сентября 1946 г. ее уволили с формулировкой «за невозможностью использовать». Тем не менее, Новакович продолжал поддерживать отношения со своей учительницей вне стен института. Возможно, это было не только его личное желание, но и указ сверху. До самой ее смерти Новакович был нередким гостем у своего педагога.

В течение последующих трех лет Сигрид давала уроки немецкого, английского и французского школьникам и студентам, что помогало ей хоть как-то сводить концы с концами. Это было возможно только в Москве, мало кому на 101-м километре нужны были иностранные языки, устроиться же на любую другую работу Сигрид не позволяло отсутствие документов.

1949: Гостелерадио

Тем не менее, в 1949 г. она получает приглашение на работу в недавно созданную датскую редакцию «Московского радио», как его называли в Скандинавии. На Гостелерадио официально к работе Сигрид приступила в мае 1949 г. Было ли это удачей или все объяснялось внешнеполитической ситуацией? 4 апреля 1949 г. двенадцать стран подписали Североатлантический договор, среди них была и Дания. Нейтралитет, которого Дания придерживалась на протяжении нескольких лет после окончания войны, сменился конфронтацией. Но в Дании по-прежнему существовала коммунистическая партия, которая была дружелюбно настроена по отношению к СССР, и получившая к тому времени беспрецедентные 18 мест в датском парламенте. Для датской демократии компартия представляла проблему. С одной стороны, мало кто сомневался в тесной связи коммунистов с товарищами из Москвы. После того, как Советский Союз стал главным противником в «холодной войне», все предполагали, что коммунисты – своего рода «пятая колонна», ожидающая прихода русских, чтобы взять власть. Никто не сомневался в истинной природе СССР и товарища Сталина, так что к коммунистам относились с глубокой подозрительностью, и они никогда не получали больше 8–9 мест в парламенте на выборах после 1945 г. [11]. Возможно, именно в это время понадобился послушный, четко понимающий задачу, «дрессированный» диктор. Сигрид, прошедшая лагерь и впитавшая в себя «правила игры», вероятно, подходила на роль «придворного» диктора, точно передающего «политику партии». К тому же в 1948 г. умерла мать Сигрид, с которой она восстановила переписку сразу после освобождения из лагеря. Оборвалась последняя ниточка надежды. И хотя в Дании оставалась ее младшая сестра, налицо было отчаяние. Последние письма сестре Сигрид пишет с горечью. Она пытается взглянуть на прожитую жизнь в ретроспективе, с тоской говорит о

том, что ее жизнь начиналась так ярко, а теперь она – одна, и жизнь почти что прошла¹. На тот момент Сигрид было 47 лет, за плечами 13 лет «дипломатической жизни» и почти девять лет советских лагерей, о которых в письмах, разумеется, нет ни слова.

Переписку с сестрой Сигрид вынуждена была прервать из-за вступления Дании в НАТО. Теперь Дания – политический противник, и поддерживать личные связи с гражданами такого государства возбранялось.

На тот период (1949-й год) в датской редакции работал старый датский коммунист Георг Лаурсен, в Москве известный как Георг Мольтке, и Карл Сняды [13, с. 125]. В сентябре 1949 г. Георг Мольтке исчез из датской редакции. Он был арестован и вышел из тюрьмы только в конце 1951 г. После реабилитации уже после смерти Сталина он вернулся в датскую редакцию и продолжил работу.

Карл Сняды, сын датчанки и польского коммуниста, родился в Дании и ребенком был привезен родителями в СССР в 1932 г. По воспоминаниям диктора норвежской редакции Май Весенберг, супруги Карла Сняды, Сигрид была единственной в скандинавской редакции, которая переводила дословно. Май объясняла, что все сотрудники переводили постановления партии на идиоматичный норвежский, шведский, датский, делали вольный перевод, адаптированный к языковому контексту, и только Сигрид переводила все слово в слово, избегая лишних слов и разнотолков². Май, свободную женщину, самостоятельно приехавшую в послевоенную Москву, это удивляло, хотя она прекрасно знала, что пришлось пережить Сигрид. Со временем и Май столкнулась с советской реальностью того времени и неписаными законами. Выйдя замуж за Карла Сняды, мать которого была датчанкой, а отец был репрессирован в 1938 г., она обнаружила, что уехать из СССР не может. В течение двадцати лет Май Весенберг пыталась вернуться на родину, в Норвегию, но удалось ей это сделать только в 1968 г. До этого времени она посетила Норвегию самостоятельно лишь дважды, каждый раз оставляя при этом «в заложниках» в Москве мужа и двоих сыновей, рожденных от советского гражданина (кем являлся Карл Сняды). «Выправить» бумаги Карла, уроженца Дании, оказалось также непростым делом, и на это ушло почти двадцать лет³.

В период работы в датской редакции бытовая жизнь Сигрид налаживалась. Первые годы она еще вынуждена была самостоятельно снимать жилье, но уже больше никто не мог упрекнуть ее в том, что она находится в Москве нелегально. Своими визитами к друзьям Сигрид больше не могла им навредить. Она продолжала поддерживать отношения с уцелевшими подругами двадцатых годов, с теми, с кем свела ее дружба в лагере. В это время Сигрид

¹ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

² Письмо Сигрид Огорд сестре Ригмор Эрикссон в Копенгаген, 21.10.1948 // Личный архив автора.

³ Интервью-беседа с Май Весенберг, июнь 2017 г. // Личный архив автора.

уже позволяла себе говорить на родном языке с подругами, не опасаясь, что кто-то на нее донесет. В их числе были норвежка Герда Йохансен, сотрудница по норвежской редакции, Эмма Лоуренсон, секретарь Александры Коллонтай, с которыми Сигрид говорила на датском, а те отвечали ей соответственно на норвежском и шведском. Со своим учеником Александром Новаковичем она говорила на датском.

С сердечным коммунистическим приветом – в Данию!

В августе 1955 г., спустя десять лет после восстановления дипломатических отношений между СССР и Данией, была достигнута договоренность о преобразовании миссий в посольства. В том же году возобновилась переписка Сигрид с родной сестрой, которой она писала, что летом скорее всего сможет приехать в гости, и в этой связи просила: «Пожалуйста, сходи в Советское консульство с письмом-приглашением, официально заверь. Как только это будет готово, и я получу его, я смогу приехать»¹. Сигрид не позволили воспользоваться ее датским паспортом, который был отобран еще при обыске в 1937 г. В Данию Сигрид отбыла в январе 1956 г. в качестве гражданки СССР. Очевидно, что ее возможности в поездке были ограничены. Она получала инструкции, которым в точности следовала. Сигрид встречается как посланник Советского Союза с датскими коммунистами, произносит нужные слова, не вспоминая при этом о том, что произошло с ней за годы жизни в СССР и как пострадала ее семья. Это не означает, что не было других датчан на территории СССР. В частности, член движения Соппротивления Томас Дёссинг находился в Москве в 1944 г., а с мая 1945 г. он стал официальным посланником своей страны в СССР [9]. Но именно Сигрид была тем самым «маленьким» человеком, которого было выгодно предьявить Западу как пример того, что советские люди выживали, несмотря на все ужасы чисток и лагерей, о которых кричала западная пресса.

Своим родным Сигрид ни слова не говорила ни о лагере, ни о расстреле мужа. Обо всем этом они узнают уже в семидесятых годах от ее сыновей. На вопрос родственников, почему же она столько лет (с конца 1937 г. по начало 1946 г. – восемь с половиной лет заключения) не писала, Сигрид ответила, что болела малярией и не хотела расстраивать семью. Кто-то из родных упал в обморок от такого известия. Сигрид и не сомневалась, что начини она рассказывать что-то из своей советской жизни, ее просто не поймут, а может, и просто не поверят. За долгие годы пребывания в СССР она научилась говорить то, что от нее ждали, и молчать тогда, когда было нужно.

Наверняка она могла приспособиться и найти единомышленников, если бы смогла уехать из СССР, но со свойственной ей иронией своим московским друзьям она любила повторять, что в молодости уехала из Дании от обывате-

¹ Интервью-беседа с Май Весенберг, июнь 2017 г. // Личный архив автора

лей, от которых устала. Теперь она не могла покинуть СССР, поскольку ее возвращение из Дании было обязательным, а молчание было условием поездки. Она прекрасно понимала, что в результате «неправильных действий» могли пострадать дети, пусть уже и взрослые, их семьи, а также появившиеся к тому времени внуки. С потерей свободы выбора Сигрид, вероятно, к этому времени уже полностью смирилась.

К тому времени начали налаживаться советско-датские двусторонние отношения. В 1956 г. датский премьер-министр Хансен одним из первых западных лидеров посетил в послевоенный период Москву с официальным продолжительным визитом. С ним приезжал в составе делегации был также Херлуф Бидstrup, с которым Сигрид встречалась и познакомила своих сыновей.

Сигрид проработала девять лет в датской редакции Московского радио. В последние пару лет она много болела и к сентябрю 1958 г. приняла решение уйти на пенсию, а спустя два месяца, 4 ноября, Сигрид не стало. По странному совпадению, именно 4 ноября, правда, 1937 г., был расстрелян ее муж, получивший «десять лет без права переписки». Сигрид хоронили ее близкие и сотрудники скандинавских редакций «Московского радио». Гроб невозможно было внести в лифт, и его несли на руках с шестого этажа по лестницам. Карл Сняды, ее товарищ по датской редакции, рассказывал своей жене о непригодности лифтов и лестниц для последнего пути в домах на Новопесчаной, где жили все работники иностранных редакций Гостелерадио¹.

Выводы

Динамика советско-датских отношений находила свое прямое отражение в повседневной жизни датчанки Сигрид Огорд. Летом 1924 г. Сигрид смогла официально оформить брак с советским гражданином только после того, как Дания признала СССР «де юре». Из писем известно, что она была знакома со своим супругом, ездила с ним и даже обладала дипломатическим паспортом, но оформить брак смогла, только когда внешнеполитическая ситуация позволила ей это сделать. Отношения СССР с Данией никак не повлияли на ее арест, но неопределенность в датско-советских отношениях в сентябре 1945 г., когда истек ее срок наказания, могла быть причиной того, что ее сразу не выпустили из лагеря, а продержали там до февраля 1946 г., когда, вероятно, и было принято решение об уходе советских войск с Борнхольма, которое было осуществлено в марте–апреле. В мае того же года, несмотря на общий запрет на нахождение в крупных городах СССР для отбывших наказание в лагерях и тюрьмах, Сигрид, только вернувшись из лагеря, начала официально работать в Институте военных переводчиков. Это совпало с уходом советских войск с Борнхольма и возвращением в ВИИЯ студентов, таких как Алек-

¹ Письмо Сигрид Огорд из Москвы сестре Ригмор Эрикссон в Копенгаген, 15.12.1955 // Личный архив автора.

сандр Новакович, которые специализировались в датском языке. Вероятно, это было вызвано прямой необходимостью иметь в штате преподавателей института носителя языка. В 1949 г., когда Дания сменила долго удерживаемый нейтралитет на конфронтацию, понадобился «свой» датчанин для вещания на Данию, для поддержки еще не потерявших свои позиции коммунистов и сочувствующих им в стране, оказавшейся в лагере противника. В этом же году прервалась переписка с сестрой, которая возобновилась только в 1955 г., когда дипломатические отношения были восстановлены в полной мере и миссии были преобразованы в посольства. В конце 1955 г. Сигрид с коротким визитом посетила Копенгаген. Бесспорно, важную роль в этом сыграл и XX съезд партии, и новая политика Н.С. Хрущева, и быстрая реабилитация и восстановление в правах репрессированных. Тем не менее, Сигрид так никогда и не получила назад своего датского паспорта и в Данию приехала как советская гражданка – в гости.

Будучи иностранкой особого статуса, кем она была в самом начале, она быстро научилась подстраиваться под уготованные ей судьбой ситуации. Ее богатый жизненный опыт дал ей возможность понять, как работает система, это понимание повлияло на ее работу. Уловив четкие требования, она старалась не экспериментировать и «не лезть на рожон», хотя выражения этого так и не понимала, пока младший сын не объяснил ей, что рожон – это острый кол. Это сказалось на ее подходе к работе, в частности, в ее «не идиоматичном» переводе, в ее отношении к требованиям «сверху». Жизнь в лагере научила Сигрид находить смешное в грустном, не хандрить, искать выход из любой ситуации. Она почувствовала и поняла эту систему изнутри, вжилась в нее, научилась в ней функционировать. Из идеалистки она превратилась в покорную исполнительницу воли государства. Для коллег по скандинавской редакции, приезжавших по линии партии и имевших возможность вернуться на родину, жизненный опыт Сигрид был чуждым. Прошедшая школу советской жизни, она не так легко сходилась со скандинавами, у которых за плечами не было этого опыта. Ни реабилитация, ни развенчание культа личности не дали ей расслабиться. Она знала, что всегда была «на виду», «на крючке», и в любой момент ее могли вызвать и поставить перед моральным выбором. Своим сыновьям она признавалась, что всегда старалась не подставлять людей и выходить из скользких ситуаций достойно.

Поездка в Данию резко очертила основные моменты жизни Сигрид: она уже не принадлежала стране, в которой родилась и выросла. То, что она познала за тридцать лет жизни вне родины, навсегда отделило ее от своих соотечественников. Сигрид и ее родные, друзья, знакомые говорили с ней на ее родном датском, но в их жизни не было понятий, к которым апеллировала она, не было реалий, без которых немислим бы был каждый прожитый ею день в Москве. Уклад жизни, повседневная необходимость выживать, договариваться, – все это было абсолютно недоступно пониманию датчан.

Стала ли она своей в советской стране – этот вопрос также остается открытым, хотя уже ее младший сын, который попал в пятилетнем возрасте в детский дом и не помнил никакого другого языка, кроме русского, считал себя советским человеком.

Немалое количество жен номенклатурных работников прошли через лишения, аресты и заключение. Достаточно сказать, что в лагере именно среди этих «жен» Сигрид находила себе собеседниц и подруг. Женщины эти, освободившись, предпочитали, как и она, не делиться своими воспоминаниями о лагере и старались делать то, что от них ждут. Те, кто, как Сигрид, умерли до шестидесятых, так и не оставили подробных свидетельств. Иностранки, прошедшие через лагерь, попытались вернуться в страны, откуда они были родом, как, например, шотландка Флора Липман [14] или Барбара Армонас [15], чья дочь публично обратилась к Хрущеву во время его визита в США. Англичанка Айви Литвинова, не прошедшая лагерь, после смерти своего мужа – дипломата М.М. Литвинова, «повинуясь» его предсмертной воле покинула СССР [16]. Но все это происходило уже в шестидесятые годы и позже.

Покинув СССР, иностранки писали книги о своей жизни или этим занимались их биографы, как в случае с Айви Литвиновой. Уникальность судьбы Сигрид Огорд – в ее причастности к секретной службе. Можно спекулировать на тему, могла бы она или позволили бы ей уехать тогда, в шестидесятые, когда это удавалось другим, но отметить вероятность того, что такой возможности ей бы не дали, было бы опрометчивым. Можно лишь предполагать, что могла бы рассказать миру супруга генерал-майора иностранного отдела НКВД и как бы это отразилось на характере отношении двух стран.

© Давидович И.Ф., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Пушкарева Н.Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*, 2012, № 1. С. 168–176.
- [2] *Lidegaard Bo.* A short history of Denmark in the 20 century. Nordisk Forlag A/S, Copenhagen: Gyldendal, 2009.
- [3] *Белковец Л.В.* Первые шаги советской дипломатии (из истории российского законодательства о дипломатическом праве). URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=17122.
- [4] *Сац Н.И.* Жизнь – явление полосатое. М.: Новости, 1991.
- [5] *Недовесова В.Г.* Записки врача. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3954>.
- [6] *Ким Ю.Ч., Ким А.Ч.* О нашей маме Нине Всесвятской – учительнице: очерки, воспоминания, материалы из домашнего архива. М.: Звенья, 2007.

- [7] Васильева, Е. Лагерь как представление. Театральная тема в тюремном нарративе у Достоевского и Довлатова. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6317>.
- [8] *Смилга Т.И.* Ау, Начальник // Новые известия, 28 декабря 2001.
- [9] *Вайль Б.* Об одном забытом эпизоде войны на Балтике. Датский историк о советской оккупации Борнхольма // Звезда. 1999. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/8/vail.html>.
- [10] *Чапский К.* Красной армии оплот // Вести: Еженедельное приложение «Окна». 27 ноября 2008.
- [11] *Морозов Н.* Датский историк об отношениях с Россией в XX веке. URL: <http://www.godon.org/society-100428114523>.
- [12] *Чеканский А.Н.* Шеф-наставник Александр Сергеевич Новакович // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 283–286.
- [13] *Йентофт М.* Гуд даг! Говорит Москва! Радио Коминтерна, советская пропаганда и норвежцы. Москва: РОССПЭН, 2013.
- [14] *Ворошилов С., Ревуненков В., Фураев В.* Новейшая история. М.: Просвещение, 1960.
- [15] *Leipman F.* The long Journey home. London: Bantam, 1987.
- [16] *Artonas B.* Leave Your Tears in Moscow. Philadelphia: J. P. Lippincott Company, 1961.

2. Документы и материалы

- [17] Письма, написанные Сигрид Огорд своей матери Каролине Огорд и сестре Ригмор Ерикссон (дев. Огорд) в период с 1921–1957 // Личный архив автора.
- [18] Протоколы допросов Сигрид Огорд-Чапской // Центральный архив ФСБ России. На момент знакомства с документом (1993): б/ф., б/оп. Д. 1184.
- [19] Книжка отличника. ТЕМЛАГ (Темниковский Исправит.-Трудовой Лагерь НКВД СССР. Выдана 31 января 1942 // Личный архив автора.
- [20] Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.
- [21] Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002 и 2013 гг. // Личный архив
- [22] Справка об освобождении. ТЕМЛАГ. Выдана 29 сентября 1945 г. // Личный архив автора.
- [23] Интервью-беседа с Май Весенберг, июнь 2017 г. // Личный архив.

Рукопись поступила в редакцию: 31 июля 2017 г.

Для цитирования: *Давидович И.Ф.* Жизненный опыт датчанки в СССР в контексте советско-датских отношений 1920–1950-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 617–640. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-617-640.

Информация об авторе: *Давидович Инна Феликсовна* – магистр филологических наук, выпускница кафедры Русской литературы XX века филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 1997 года (Москва, Россия).

LIFE EXPERIENCE OF A DANISH WOMAN IN THE USSR I N THE CONTEXT OF SOVIET-DANISH RELATIONS OF THE 1920–1950S

Inna F. Davidovich

Independant researcher
innrid@gmail.com

This article deals with the transformation of a Danish woman's perception of the Soviet life through the prism of her personal life experience. The study is based on the analysis of Sigrid Ulrikka Alma Aagaard's letters addressed to her mother and younger sister from the Soviet Union, the memoirs of her sons and closest associates. All these materials were stored in the author's personal archive and published for the first time. The study reveals a close connection of the woman's personal life with foreign political events, changes in the Soviet-Danish relations that directly influenced her fate and worldview. Particular attention is paid to the gradual alienation of the woman from her roots, the need to get used to the new reality and master the rules of the game dictated by the Soviet reality.

Having understood the work of the Soviet system, she tried to comply fully with all its requirements. She turned from an idealist into a submissive performer of the will of the state. She was aware that she was always under surveillance, "hooked", and at any time she could be put before a moral choice. Sigrid ceased to be a Dane, she no longer belonged to the world in which she had been born and grown up. What she had learned in thirty years of her life outside her homeland forever alienated her from her compatriots. At the same time, she found faithful friends in the Mordovian camp TEMLAG, where she was from 1937 to 1946, among the wives of appointees, who, like her, went through hardships, arrests and imprisonment.

Keywords: Sigrid Ulrikka Alma Aagaard, foreigners in the USSR, the Danes in the USSR, Soviet-Danish relations, women in the GULAG, TEMLAG

REFERENCES

- [1] Pushkareva NL. Ustnaya istoriya i gendernaya istoriya: sblizhenie i perspektivy razvitiya [Oral history and gender history: rapprochement and development prospects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 2012; (1): 168–176 (in Russian).
- [2] Lidegaard Bo. *A short history of Denmark in the 20 century*. Nordisk Forlag A/S, Copenhagen: Gyldendal; 2009.
- [3] Belkovets LV. *Pervye shagi sovetsoi diplomatii (iz istorii rossiiskogo zakonodatel'stva o diplomaticheskoy prave)* [The first steps of Soviet diplomacy (from the history of Russian legislation on diplomatic law)]. Available at: www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=17122 (in Russian).
- [4] Sats NI. *Zhizn' – yavlenie polosatoe* [Life is a striped phenomenon]. Moscow: Novosti Publ.; 1991 (in Russian).
- [5] Nedovesova VG. *Zapiski vracha* [Doctor's notes]. Available at: www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3954 (in Russian).

- [6] Kim YuCh, Kim ACh. *O nashei mame Nine Vsesvyatskoi – uchitel'nitse: ocherki, vospominaniya, materialy iz domashnego arkhiva* [About our mother Nina Vsevlyatskaya – teacher: essays, memoirs, materials from the home archive]. Moscow: Zven'ya Publ.; 2007 (in Russian).
- [7] Vasil'eva E. *Lager' kak predstavlenie. Teatral'naya tema v tyuremnom narrative u Dostoevskogo i Dovlatova* [The camp is like a performance. Theatrical theme in the prison narrative of Dostoevsky and Dovlatov]. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/6317> (in Russian).
- [8] Smilga TI. Au, Nachal'nik [Au, Chief]. *Novye izvestiya* [New tidings]. 28 December 2001 (in Russian).
- [9] Vail' B. Ob odnom zabytom epizode voyny na Baltike. Datskii istorik o sovetskoj okkupatsii Bornhol'ma [About one forgotten episode of the war in the Baltic. Danish historian on the Soviet occupation of Bornholm]. *Zvezda* [Star]. 1999; (8). Available at: magazines.russ.ru/zvezda/1999/8/vail.html (in Russian).
- [10] Chapskii K. Krasnoi armii oplot [The Red Army's mainstay]. *Vesti: Ezhenedel'noe prilozhenie "Okna"* [News: Weekly application "Windows"]. 27 November 2008 (in Russian).
- [11] Morozov N. *Datskii istorik ob otnosheniyakh s Rossiei v XX veke* [Danish historian on relations with Russia in the twentieth century]. Available at: www.rodon.org/society-100428114523 (in Russian).
- [12] Chekanskii AN. Shef-nastavnik Aleksandr Sergeevich Novakovich [Chef-mentor Alexander Sergeevich Novakovich]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2014; (3): 283–286 (in Russian).
- [13] Ientoft M. *Gud dag! Govorit Moskva! Radio Komintern, sovetskaya propaganda i norvezhtsy* [Good dag! Moscow is speaking! Radio of the Comintern, Soviet propaganda and Norwegians]. Moscow: ROSSPEN Publ; 2013.
- [14] Voroshilov S., Revunenkov V., Furaev V. *Noveishaya istoriya* [The newest history]. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 1960 (in Russian).
- [15] Leipman F. *The long Journey home*. London: Bantam; 1987.
- [16] Armonas B. *Leave Your Tears in Moscow*. Philadelphia: J. P. Lippincott Company; 1961.

Article received: 31 July 2017

For citation: Inna F. Davidovich, Life experience of a Danish woman in the USSR in the context of Soviet-Danish relations of the 1920–1950s. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 617–640. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-617-640.

About the author: Inna F. Davidovich, Master of Philology, Alumna of the Philological Faculty, the Division of the Russian Language and Literature, the Department of Russian Literature of the 20th century at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).